

Вострикова В. В.

**ПРИНЦИП ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩАЯ ИДЕЯ ЛИБЕРАЛЬНОЙ
МОДЕЛИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА (КОНЕЦ XIX-НАЧАЛО XX ВВ.)**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/7-2/10.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 7 (26): в 2-х ч. Ч. II. С. 41-44. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Таблица 14

Правитель	Время жизни X_i	Время правления Y_i	$X_i Y_i$	X_i^2	Y_i^2
Ленин	54	7	378	2916	49
Сталин	74	29	2146	5476	841
Маленков	86	2	172	7396	4
Хрущев	77	9	693	5929	81
Брежнев	76	18	1368	5776	324
Андропов	70	2	140	4900	4
Черненко	74	1	74	5476	1
Горбачёв	80	6	480	6400	36
Ельцин	76	9	684	5776	81
Σ	667	82	6135	50045	1421

Итак, в целом ряде случаев коэффициент корреляции сроков жизни и правлений оказывается количественной характеристикой сообщающей нам о качественной стороне истории России и ряда других стран. По сравнению с высоким общим коэффициентом взаимосвязи сроков жизни и правлений монархической России этот же коэффициент для бурных исторических времён оказывается заметно ниже.

Список литературы

- Всемирная история:** в 24 т. / А. Н. Бадак, И. Е. Войнич, Н. М. Волчек и др. Минск: Литература, 1996–1997. Вторая мировая война.
- История Европы:** в 8 т. М.: Наука, 1993. Т. 3. От средневековья к новому времени (конец XV–первая половина XVII в.). 656 с.
- Муратов И. А.** Сто великих авантюристов [Электронный ресурс]. URL: <http://bibliotekar.ru/100avant/index.htm>
- Пушкин А. С.** Собр. соч.: в 10 т. М.: Худож. лит., 1974–1978.
- Рыжов К.** Все монархи мира. Западная Европа. М.: Вече, 1999. 656 с.
- Сборник задач по высшей математике для экономистов:** учеб. пособие / под ред. В. И. Ермакова. 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М, 2008. 575 с.
- Толстой Л. Н.** Собр. соч.: в 20 т. М.: Худож. лит., 1960–1965.
- Турецкий В. Я.** Математика и информатика. 3-е изд. испр. и доп. М.: Инфра, 2006. 560 с.
- Хайтун С. Д.** Феномен человека на фоне универсальной эволюции. М.: КомКнига, 2005. 536 с.

ПРИНЦИП ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩАЯ ИДЕЯ ЛИБЕРАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА (КОНЕЦ XIX–НАЧАЛО XX ВВ.)

Вострикова В. В.

Всероссийский заочный финансово-экономический институт (филиал) в г. Орле

Становление правового государства в постсоветской России стимулировало обращение к теоретическому наследию по проблеме правового государства, к переосмыслению основных принципов его организации и институтов. И в этом плане значительный интерес представляют воззрения идеологов российского либерализма начала XX века, предложивших анализ данного феномена на теоретическом уровне и сконструировавших на его основе модель правового государства для России.

Признавая базовыми характеристиками правового государства законодательное народное представительство, гражданские и политические права и свободы личности, обособление властей, ответственность министров и административную юстицию, либералы подчеркивали, что функционирование данных институтов подчинено реализации основополагающей идеи – идеи верховенства права.

Эту мысль предельно четко сформулировал В. М. Гессен. «Правовое государство, – писал он, – государство, которое в своей деятельности, в осуществлении правительственной и судебной функций ограничено и связано положительным правом, стоит под правом, а не вне и над ним» [Гессен, 1917, с. 66]. Мысль о необходимости соблюдения принципа верховенства права вне зависимости от каких-либо конъюнктурных соображений отстаивал Б. А. Кистяковский. «Право, – утверждал он, – должно действовать и иметь силу совершенно независимо от того, какие политические направления господствуют в стране и правительстве. Право по самому своему существованию стоит над партиями и поэтому создавать для него подчиненное положение по отношению к тем или другим партиям – это значит извращать его природу» [Кистяковский, 1916, с. 654].

Одним из параметров верховенства права российские государствоведы признавали верховенство закона, обуславливавшее подчиненность правительственной и судебной власти законодательной. Как указывал

В. М. Гессен, правовое государство – государство, которое признает обязательным для себя, как правительства, создаваемые им же, как законодателем, юридические нормы [Гессен, 1905-1906, с. 145]. Отсюда безусловный приоритет закона как нормы, исходящей от народного представительства, над правительственными распоряжениями. «Закон и правительственное распоряжение – по самому своему происхождению – несоизмеримые величины; – писал В. М. Гессен, – различие их источников обуславливает различную степень их значения и силы» [Исаев, Золотухина, с. 354].

Установление четкого различия между законом и правительственным распоряжением (указом) имело для либералов принципиальное значение как средство ограничения исполнительной власти в правовом государстве. Однако если по формальному признаку они признавали законом акты, исходящие от парламента, то в отношении материального признака закона единогласия между мыслителями не наблюдалось. Так, Н. М. Коркунов, посвятивший проблеме соотношения указа и закона специальное исследование, сущностной чертой закона считал его общий характер [Там же, с. 342-343]. М. М. Ковалевский в качестве необходимых признаков закона определял его повелительный характер и установление норм права. При этом под последними он понимал такие правила, которые напрямую затрагивают свободу индивидов [Ковалевский, 1908, с. 327]. Таким образом, М. М. Ковалевский, фактически поддерживал Н. М. Коркунова, одновременно дополняя его точку зрения. Напротив, Н. И. Лазаревский утверждал, что определенного материального критерия закона вообще не существует, представления о том, что должно регулироваться законом, складываются исторически [Лазаревский, с. 440].

Думается, что позиция М. М. Ковалевского наиболее соответствует духу правового государства, поскольку позволяет гарантировать основные права граждан от посягательств администрации.

Этой же цели служило утверждение М. М. Ковалевского о преимуществе закона перед временной мерой. Больные общественные порядки, утверждал он, надо лечить не наскоро, не в смутные эпохи, а основательно – в эпохи относительного затишья [Ковалевский, 1917, с. 76].

Верховенство закона для идеологов либерализма было не тождественно господству воли тех, кто издает законы. Причиной тому было толкование закона правоприменяющими инстанциями, заключавшее в себе потенциальную возможность установления понимания закона, не соответствующего воле законодателя. Кроме того, отмечал Н. М. Коркунов, важное значение имело и то, что на практике законы применяются не как отдельные, независимые друг от друга постановления, а как целостная система, в которой смысл и значение каждого отдельного постановления определяется отношением ко всей совокупности других постановлений [Исаев, Золотухина, с. 343]. Преломление воли законодателя в сознании применяющих закон, т.е. в общественном правосознании, по Н. М. Коркунову, ограничивало деспотизм парламента.

Другую гарантию соблюдения законности либералы видели в предоставлении суду права проверки, как законности актов исполнительной власти, так и конституционности самих законов. Мыслители указывали, что начало правового государства требует «наличности сильной и авторитетной судебной власти – сильной своим государственным положением и общественным доверием» [Котляревский, с. 334]. Уважение к суду было для мыслителей показателем отношения в государстве к принципу законности. «Чем менее государственная власть уважает суд, тем менее уважает она и законы, тем менее в государстве законности», – писал В. А. Маклаков, в качестве печального примера подобного рода ссылаясь на российскую действительность: «Суд у нас не в почете, а потому в таком загоне закон» [Маклаков, 1909, с. 243]. Нетрудно заметить, что идея верховенства права основывалась на принципе обособления властей, выступая как развитие последнего применительно к правовому государству.

Идеологи либерализма считали, что верховенство права получает смысл лишь при том предположении, что закон справедлив и способ его создания есть в тоже время возможное, при недостатках человеческой природы, обеспечение этой справедливости.

Постановка проблемы справедливости применительно к праву заставила либералов обратиться к вопросу о соотношении права и нравственности, имевшего, по определению Б. А. Кистяковского, «не только теоретическое, но и глубоко практическое, жизненное значение» [Кистяковский, 1998, с. 222]. И здесь Б. А. Кистяковский отмечал у большинства своих идейных единомышленников сосредоточение внимания преимущественно на установлении различий между правом и нравственностью. Так, для Г. Ф. Шершеневича главным было то, что соблюдение правовых предписаний поддерживается принудительной силой государства, а требований нравственности – общественным мнением. Л. И. Петражицкий различия между нравственностью и правом усматривал в том, что правовые душевные переживания имеют двусторонний, императивно-атрибутивный характер, а нравственные – только односторонний, императивный. Исходя из этого, Л. И. Петражицкий считал роль права в общественной жизни гораздо важнее роли нравственности. С точки зрения массового поведения, указывал он, активная этическая мотивация (сознание правомочности), лежащая в основе права, имеет большее значение, чем пассивная этическая мотивация (сознание нравственного долга), лежащая в основе нравственности. Помимо того, Л. И. Петражицкий подчеркивал особую мотивационную силу правовых эмоций по сравнению с нравственными [Петражицкий, с. 127]. По мнению Л. И. Петражицкого, только благодаря правовой психике, создается координируемая правом система социального поведения, прочный и точно определенный социальный порядок, тогда как нравственность ориентирует человека на личное совершенствование и потому не может быть фундаментом социальной дисциплины.

Не оспаривая первенствующую роль права для устройства общественной жизни, Б. А. Кистяковский считал в практическом плане более целесообразным при сопоставлении права и нравственности акцентировать

внимание на их сходстве. Либерал утверждал глубоко нравственный характер права в его подлинной сущности, основываясь на постулатах «возрожденной школы естественного права», активными сторонниками которой, помимо Б. А. Кистяковского, были П. И. Новгородцев, В. М. Гессен, Е. Н. Трубецкой, Л. И. Петражицкий.

Последователи естественно-правовой доктрины видели в праве и нравственности феномены одного порядка, находящиеся в постоянном взаимодействии, частным проявлением которого служило естественное право – «постоянно развивающееся идеальное сознание о праве» [Новгородцев, с. 889]. Продолжая эту линию размышлений, либералы пришли к постановке проблемы соотношения естественного и позитивного права, разрешение которой предполагало поиск ответа на вопрос о степени влияния идеальных нравственных установок на содержание действующих правовых норм.

Для либералов позитивистской ориентации было характерно противопоставление естественного и положительного права как совершенной идеальной нормы несовершенной существующей. Истоки такого подхода коренились не только в вечной антитезе идеала и действительности, но и в особенностях самого позитивного права: в неизбежности его отставания от постоянно меняющихся общественных отношений, а также в невозможности учета действующим правом всего спектра общественных интересов.

Сторонники естественно-правовой теории, признавая обоснованность данных доводов, все же избегали столь резкого противопоставления двух видов права, указывая на непрерывное совершенствование положительного права под воздействием права естественного. Для них естественное право выступало нравственным критерием права позитивного, указывающим направление и цель развития последнего, вместе с тем очерчивая границы правотворчества. Таким образом, естественному праву отводилась роль движущей силы правового прогресса. Выражая эту мысль, Е. Н. Трубецкой писал: «Прогресс, т. е. поступательное движение к добру, возможен лишь постольку, поскольку над правом положительным есть высшее нравственное или естественное право, которое служит ему... критерием. И в самом деле, в истории права идея естественного права играет и играла роль мощного двигателя: оно дает человеку силу подняться над исторической средой и спасает его от рабского преклонения перед существующим» [Трубецкой, с. 67-68].

Сторонники естественного права указывали, что «сила и действенность» норм позитивного права, а следовательно, и устойчивость государственной власти напрямую зависит от степени соответствия положительного права естественно-правовым воззрениям людей [Там же, 65]. Властные веления, указывал Е. Н. Трубецкой, будут восприниматься обществом как обязательные лишь до тех пор, пока оно будет убеждено в том, что власть действует в интересах общего блага и в данных условиях является эффективным средством обеспечения добра и справедливости. Фактически, по Е. Н. Трубецкому, естественное право санкционировало деятельность государственной власти.

Таким образом, естественное право выполняло, по мнению либеральных мыслителей, двойственную функцию. С одной стороны, оно являлось нравственной основой правопорядка, а, с другой, служило нравственным ориентиром для дальнейшего усовершенствования последнего. Без широкой и свободной естественно-правовой критики позитивного права с точки зрения его соответствия правовым идеалам современного общества, отмечал В. М. Гессен, не может быть «сколько-нибудь глубокой, новой законодательной реформы» [Гессен, 1902, с. 42]. Отсюда возрастание значимости естественного права в переломные моменты истории. По наблюдению В. М. Гессена, опыт общественного развития свидетельствовал, что социальному прогрессу всегда и необходимо предшествовал «поворот к идеализму» [Там же]. По мнению В. М. Гессена, господство позитивизма в праве привело к тому, что последнее стало восприниматься в качестве служебного средства, полезного постольку, поскольку оно соответствует интересам сегодняшнего дня. А это, в свою очередь, во главу угла законотворческой деятельности поставило стремление приспособить право к требованиям практической жизни, нивелировав нравственный мотив в правотворчестве. Осознавая всю опасность такого подхода, сторонники естественно-правовой теории настаивали на первенствующем значении для права этических целей, в качестве которых выступали свобода и справедливость [Кистяковский, 1916, с. 679-680].

Сходную точку зрения отстаивал Д. Н. Шипов, хотя в его трактовке она имела религиозный подтекст. «Государство не может не быть учреждением правовым, – писал он, – но право, нормирующее жизнь государства, всегда должно стремиться к постепенному установлению в государстве высшей правды и справедливости, призывающих всех людей к доброжелательному единению и к проявлению деятельной любви. Правовое государство всегда должно ставить себе целью создание условий государственной жизни, наиболее соответствующих этическим запросам человечества» [Шипов, с. 170-171].

Либералы-позитивисты выступали против того, чтобы «найти критерий для оценки действующего законодательства в каком-то метафизическом представлении об абсолютной справедливости или в прирожденных человеку правах, слышущих под названием «прав естественных» [Зорькин, с. 121]. Развитие положительного права, утверждали они, зависело не от «догматов метафизики естественного права, которое при косности общества делается элементом регресса, а при подвижности его только отражает на себе рост гражданственности. Развитие положительного права обусловлено всецело ростом гражданственности» [Там же].

Конкретизируя данный тезис, М. М. Ковалевский указывал, что право не развивается само по себе, а изменяется с расширением основ достигнутой общественной солидарности, вызывая, прежде всего, в отдельных выдающихся личностях неудовлетворенность существующими нормами и новые запросы, которые сила подражания обращает сперва в требования общественного мнения, в юридическое сознание масс, а затем в

обычай или закон. Таким образом, М. М. Ковалевский утверждал значимость для развития права следующих факторов: солидарности, достигнутой между людьми; выдающихся личностей; гражданственности, полагая, что государство и право в одинаковой мере обусловлены экономикой, идеями, психологией, знаниями, влиянием открытий и приспособлений, подражаний.

Необходимым параметром верховенства права для идеологов отечественного либерализма было равенство граждан перед законом, при этом особо подчеркивалось, что лица, обладающие властью, подчинены нормам права одинаково с лицами, не имеющими власти. Для них власть – не столько их субъективное право, сколько правовая обязанность, и эту обязанность они должны нести как общественное служение; иными словами, управлять должны законы, а не люди. Отсюда утверждение Б. А. Кистяковского о безличности и абстрактности власти в правовом государстве. Это означало, что здесь господствуют не лица, а общие правила или правовые нормы. Как отмечал В. А. Маклаков, право это норма, основанная на принципе одинакового порядка для всех; в торжестве права над волей – сущность прогресса [Маклаков, 1954, с. 221].

Либералы указывали на взаимообусловленность законности и прав человека. Последовательное осуществление законности, отмечал Б. А. Кистяковский, требует, как своего дополнения, прав и свобод личности, ибо власть бывает действительно связана законом только тогда, когда ей противостоят граждане, наделенные субъективными публичными правами. «Осуществление законности при общем беспорядке есть чистейшая иллюзия», – утверждал либерал, тем самым подчеркивая неформальный смысл законности [Кистяковский, 1998, с. 330]. П. Б. Струве, раскрывая взаимосвязь законности и субъективных прав в статье с характерным названием «Право и права», писал: «Обыватели нуждаются не только в принципиальном соблюдении закона и отсутствии произвола, но еще более в том, чтобы законы, по содержанию своему, отвечали их духовным и материальным интересам. Иначе говоря, правовой порядок ценен не только и несколько потому, что он выражает собой господство объективного и беспристрастного права. Самое ценное в настоящем правовом порядке, что при господстве объективного права обеспечиваются важнейшие интересы человеческой личности, облеченные в форму прав. Не одно только «право», но и «права» – таков должен быть лозунг друзей истинной законности и правомерности» [Струве, с. 552]. В данном случае П. Б. Струве боролся с прочно укоренившимся в России убеждением, что закон существует для поддержания порядка, а не для гарантии индивидуальных прав (как на Западе).

Другим фактором обеспечения верховенства права либералы считали достаточно высокий уровень правосознания населения, проявлявшийся, прежде всего, в готовности граждан отстаивать свои права в случае их нарушения. Развитое правосознание выступало в роли ограничителя власти, заставляя ее придерживаться принципа законности. В этом качестве правосознание было для идеологов отечественного либерализма показателем развитости гражданского общества. Осознание своих прав, отмечал Л. И. Петражицкий, позволяет человеку превратиться из подданного в гражданина, ставит человека наравне со всеми. Помимо того, уважение к закону рассматривалось либералами как гарантия разрешения социальных конфликтов мирными, правовыми средствами, поскольку выбивало почву из-под ног у радикально настроенных сил, пытавшихся использовать толпу для достижения своих целей.

Таким образом, в либеральной концепции правового государства идея верховенства права явилась системообразующим элементом, опосредовавшим ряд сущностных характеристик данного государственного типа, к числу которых, прежде всего, относится достаточно высокий уровень правосознания и гражданское общество.

Список литературы

- Гессен В. М. Возрождение естественного права. СПб., 1902.
Гессен В. М. Основы конституционного права. Пг., 1917.
Гессен В. М. О правовом государстве // Исаев И. А., Золотухина Н. М. История политических и правовых учений России: хрестоматия. М., 2003.
Гессен В. М. Теория правового государства // Политический строй современных государств: сб. ст. В 2-х томах. СПб., 1905-1906. Т. 1.
Зорькин В. Д. Позитивистская теория права в России. М., 1978.
Кистяковский Б. А. Философия и социология права. СПб., 1998.
Кистяковский Б. А. Социальные науки и право: очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916.
Ковалевский М. М. Общее конституционное право. СПб., 1908.
Ковалевский М. М. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин: сб. ст. Пг., 1917.
Коркунов Н. М. Указ и закон // Исаев И. А., Золотухина Н. М. Указ. соч. М., 2003.
Котляревский С. А. Власть и право. Проблема правового государства. М., 1915.
Лазаревский Н. И. Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1908. Т. 1. Конституционное право.
Маклаков В. А. Законность в русской жизни // Вестник Европы. 1909. Т. 3. Кн. 5.
Маклаков В. А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954.
Новгородцев П. И. Право естественное // Энциклопедический словарь / издатели Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1898. Т. XXIV^a.
Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000.
Струве П. Б. Право и права // На разные темы (1893-1901): сб. ст. СПб., 1902.
Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. СПб., 1999.
Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 2007.